

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМАРКАЦИЯ В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Шабунина Анастасия Константиновна

Институт всеобщей истории Российской академии наук,

Москва, Россия

shabunina@bk.ru

Аннотация. В статье обосновывается принцип построения границ исторических исследований в условиях реализации трансдисциплинарного синтеза. Можно выделить следующую иерархию междисциплинарных исследований: мультидисциплинарные, интердисциплинарные и трансдисциплинарные. Трансдисциплинарный подход выступает новой ступенью интеграционного опыта междисциплинарных исследований. Отказ от принципа холизма и картезианского разделения исследовательских полей снижает значение дисциплинарных границ, расширяет возможности гуманитарных исследований, позволяет внедрить методологические ризомы в практику исторических исследований. Трансдисциплинарность сохраняет от ризоматического подхода концепт транспостроения, но ограничивает его рамками и задачами отдельного исследования, предмет которого может сам по себе быть создан на стыке наук, что приобретает особую значимость в таких областях исторического знания как: интеллектуальная история, новая социальная история, гендерная история, история ментальностей, история трансферов и т.д. Новый принцип построения исследовательских границ базируется на потребностях и задачах индивидуального исторического исследования, специфике привлекаемых исторических источников. Трансдисциплинарность учитывает принцип открытости научного знания и выстраивается с учетом индивидуальности наук, сохраняя их культурное своеобразие в единстве универсума. Современные трансдисциплинарные исследования развивают основания метанауки, позволяющей преодолеть эпистемологический кризис постмодерна.

Ключевые слова: междисциплинарность, трансдисциплинарность, границы исследований, культурный поворот, ризома, исследовательское поле, метанаука, транснаука.

Цитирование: Шабунина А.К. Современная демаркация в трансдисциплинарных исторических исследованиях // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 3. С. 66–80. DOI 10.18522/2500-3224-2022-3-66-80 / Shabunina A.K. Contemporary Demarcation in Transdisciplinary Historical Research, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 3. Pp. 66–80. DOI 10.18522/2500-3224-2022-3-66-80.

© Шабунина А.К., 2022

CONTEMPORARY DEMARCATION IN TRANSDISCIPLINARY HISTORICAL RESEARCH

Shabunina Anastasia K.

Institute of World History of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
shabunina@bk.ru

Abstract. This article presents the principle of constructing the boundaries of historical research in the context of the implementation of the principle of transdisciplinarity. We can distinguish the following hierarchy of interdisciplinary research: multidisciplinary, interdisciplinary and transdisciplinary research. The transdisciplinary approach is a new step in the integration experience of interdisciplinary synthesis. The rejection of the principle of holism and the Cartesian division of research fields reduces the importance of disciplinary boundaries, expands the possibilities of humanitarian research, and makes it possible to introduce methodological rhizomes into the practice of historical research. Transdisciplinarity retains the concept of transconstruction from the rhizomatic approach, but limits it to the scope and objectives of a separate study, the subject of which can itself be created at the intersection of sciences, which is of particular importance in such areas of historical knowledge as: intellectual history, new social history, gender history, the history of mentalities, the history of transfers, etc. The new principle of building research boundaries is based on the needs and tasks of individual historical research, the specifics of the historical sources involved. Transdisciplinarity is built taking into account the individuality of sciences, takes into account the principle of openness of scientific knowledge, preserves their cultural identity in the unity of the universe. Modern transdisciplinary research develops the foundations of metascience, which makes it possible to overcome the epistemological crisis of the postmodern.

Keywords: interdisciplinarity, transdisciplinarity, research boundaries, cultural turn, rhizome, research field, metascience, trans-science.

Кризис науки и переживание ситуации постмодерна все больше демонстрирует слом прежней эпистемы. Современное научное сообщество, находившееся последние десятилетия в ситуации рефлексии и осмысления разрыва с классической традицией, сейчас находится в поиске новых методологических форм, институционализация которых сможет ответить на глобальные вызовы современности, предложить векторы дальнейшего развития науки. Признавая необходимость обновления научной парадигмы в начале XXI в., ученые ищут ее основы в междисциплинарном сотрудничестве через создание принципиально новых методологических оснований. Такое положение вещей делает как никогда острыми вопросы, связанные с анализом и методологическим конструированием форм трансдисциплинарности, понимаемой наивысшем уровне дисциплинарной интеграции. Остается признать, что в стремлении преодолеть нынешнюю фрагментацию знаний ни мультидисциплинарный, ни интердисциплинарный подход уже не могут рассматриваться как эффективное методологическое решение, поскольку, осуществляя свое междисциплинарное взаимодействие остаются скованными традиционными картезианскими рамками науки, вследствие чего не достигают глубокой интеграции, необходимой современному научному знанию.

Вопросы конвергенции научного знания и формирования методологии трансдисциплинарных исследовательских практик освещают работы В.А. Бажанова, Л.П. Киященко, Е.Н. Князева, В.И. Моисеева, Б. Николеску, Р.В. Шольца и т.д. [Трансдисциплинарность..., 2015]. Авторы признают, что главной характеристикой новой эпистемы становится преодоление границ, а трансдисциплинарными можно назвать исследования, «которые идут через, сквозь границы многих дисциплин, выходят за пределы конкретных дисциплин» [Трансдисциплинарность..., 2015, с. 283]. Богатая историография¹, наряду с выраженными принципами в трудах методологов, требует продолжения дискуссии не только в ракурсе актуализации и определении роли трансдисциплинарного принципа, но и осмысления эпистемологических рамок существующих интеграционных направлений, уточнения демаркационного принципа в конструировании исследовательских моделей.

В настоящее время Россия признается одним из мировых центров перспективной разработки методологических моделей междисциплинарности. В отечественной науке рассмотрение феномена трансдисциплинарности прежде всего связано с объединением философских и практикоориентированных оснований решения глобальных проблем антропоцентра, что представлено работами философов-синергетиков В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, А.А. Крушанова и др. Ведущие специалисты В.С. Мокий и Т.А. Лукьянова, описывая принцип трансдисциплинарности в науке, определяют его как «способ расширения научного знания за счет реализации

¹ Примерами историографического анализа о вопросе границ трансдисциплинарных гуманитарных исследований могут служить работы следующих авторов: D. Alvargonzalez (2011), B. Baptista & S. Rojas-Castro (2019), J. Bernstein (2015), J. Brenner (2014), F. Darbellay (2015), A. Montuori (2013), G. Rimondi & M. Veronese (2018), Л.П. Киященко, В.И. Моисеев (2009), В.С. Мокий, Т.А. Лукьянова (2019, 2021, 2022) и т.д.

интегративных тенденций дисциплинарности, полидисциплинарности и междисциплинарных подходов» [Mokiy, Lukyanova, 2022, p. 134]. В области теории и методологии истории освещению вопросов трандисциплинарности посвятили свои работы О.В. Воробьева, Л.П. Репина, К.В. Хвостова, подчеркивается, что ведущим путем приближения к новому, более высокому и перспективному уровню развития научных знаний является трандисциплинарность, делающую «попытку определить исследовательскую проблему в целостности, с учетом всех ее сторон и, придав им общий фокус, направить соответствующие дисциплинарные перспективы, методы, концепции в русло разработки общего подхода» [Репина, 2011, с. 28]. Методологи исторического знания продолжают основания заложенные гносеологическими принципами философии трандисциплинарности, постулируя, что данный подход «не заимствует (в отличие от междисциплинарного) теории и методы других наук для решения внутрисциплинарных проблем, а генерирует такую проблему исследования, которая не может быть сформулирована и решена в границах любой из сотрудничающих дисциплин» [Репина, 2011, с. 29].

Ставя целью данной статьи определение принципа очерчивания исследовательских границ в трандисциплинарных исследованиях, необходимо отметить, что именно для трандисциплинарной теории научной интеграции, предполагающей наивысшую степень дисциплинарного синтеза, выдвижение эпистемологических рамок становится первоочередной задачей с самого начала внедрения и концептуального осмысления проблематики. Впервые термин трандисциплинарность в привычном для нас понимании был введен французским философом и психологом Ж. Пиаже в 1970 г. Его авторское понимание теории генетической эпистемологии предопределяло расширение дисциплинарных границ и, одновременно, было предложением альтернативы для набирающему популярность постмодернистскому дискурсу. Уже в 1974 г. философ приходит к концептуальному выводу, что «в стадии междисциплинарных отношений можно надеяться увидеть смену на более высокую “трандисциплинарную” стадию, которая не удовлетворится достижением взаимодействий или взаимности между специализированными исследованиями, а поместит эти связи в общую систему без устойчивых границ между дисциплинами» [Piaget, 1974, p. 170]. Как отмечает ведущий методолог истории Л.П. Репина, современная история междисциплинарности может быть метафорично описана как транзит: от «интердисциплинарности» — через «поли- / мультидисциплинарность» — к «трандисциплинарности» [Репина, 2010, с. 12]. Многочисленность близких по значению терминов здесь не простая игра слов, а отражение принципиальных оснований, обозначающее качественные различия во взаимодействии между науками и способами разграничения демаркационных линий дисциплинарных областей. При этом конструирование возможной структуры трандисциплинарной модели исследования ставит перед ученым задачу рассмотреть предмет исследования как многоуровневое социокультурное пространство с оказываемым на него многофакторным влиянием. Трандисциплинарный подход может быть наиболее органично применен при изучении социокультурных практик (и иных исследовательских конструкторов, которые уже сами по себе выступают как полидисциплинарные

построения), что позволяет осветить системные вопросы влияния аксиологических ценностей и категорий мировоззрения на эволюцию культуры, изучить в многоаспектном измерении трансформацию социальных институтов. В то же время, историки в отдельных частных исследованиях, в том числе казуальных, могут, помещая конкретно-историческое содержание в трансдисциплинарный методологический концепт, анализировать поведенческие паттерны отдельных индивидов и социальных групп через социокультурные пространства, нисходя от макроструктур к микрокультурным и частно-бытовым практикам, при этом соотношение микро- и макроподходов сглаживает свои противоречия при эпистемологической интеграции. *В условиях трансдисциплинарности конструирование исследовательской модели идет не за методологическим выбором историка, а базируется на специфике предмета изучения, источниковой базы и задачами отдельного исследования, создающие предполагаемый очерчиваемый круг дисциплин, практический инструментарий которых может быть приобщен к исследованию.*

Говоря о характеристике таксономического разнообразия междисциплинарных исследований, основанием которой становится интеграционный уровень и степень его реализации в конкретном историческом исследовании, можно выделить мультидисциплинарные, интердисциплинарные и трансдисциплинарные исследования. При этом если в стратегии мультидисциплинарности проводятся отдельные независимые исследования, решающие общую задачу с опорой на собственную дисциплинарную базу, то для интердисциплинарного исследования создается смешанная команда из ученых отдельных отраслей науки. И только в трансдисциплинарных исследованиях участники группы работают совместно, объединяя концепции отдельных дисциплин для решения исследовательской задачи. В этой связи частная реализуемая трансдисциплинарная методологическая модель исторического исследования будет представлять собой «высшую ступень» реализации методологического интеграционного подхода.

Единство метода, сконструированного историком в своем частном исследовании с использованием указанной парадигмы, обуславливает реализацию системно-эволюционного подхода в науке. Трансдисциплинарность демонстрирует новый уровень научной интеграции, который в меньшей степени ограничен рамками отдельных дисциплин. Ключевое отличие здесь от прежнего опыта поли-, меж-, кросс-, интер-, мультидисциплинарности, заключается в том, что трансдисциплинарность не только выступает опытом взаимодействия и взаимодополнением дисциплин, но и, как уникальное явление междисциплинарного синтеза, создает принципиально новые «интегральные структуры» [Piaget, 1972, p. 139]. Именно трансдисциплинарность в отличие от близких зонтичных терминов, за счет максимального сглаживания строгих границ классических дисциплин, выступает эпистемологическим пространством, в котором может формироваться новое, многомерное, понимание привычных терминов и трактовок социальных конструкторов, что в свою очередь становится закономерным ответом на конвергенционные процессы, происходящие в предметных полях современной гуманитаристики. Вместе с тем, сглаживание

дисциплинарных рамок, актуализирует вопрос о положенном основании в принцип конструирования границ исторических исследований.

Критическая идея междисциплинарности Л. Альтюссера и позже пространственная концепция предметных полей М. Фуко, преломляя идею холизма в науке в рамках теории структурализма, впервые обращают внимание исследователей на взаимоотношения между дисциплинами с точки зрения границ. А. Альтюссер рассматривал границы исследования в их амбивалентном влиянии на науку, которое могло как способствовать расширению научного знания, так и сдерживать его за счет доминирования одной из наук в процессе междисциплинарного синтеза. Однако, именно лиминальные «пограничные зоны» считались пространством перспективного научного поиска, «средством чудодейственного исцеления» [Althusser, 1990, p. 78]. Сам процесс научного интегрирования структуралисты зачастую описывали по аналогии с межличностным общением и считали, что «близкие отношения типичны для современных научных явлений, все чаще “соседские” дисциплины начинают реализовываться в тех “зонах”, которые когда-то считались окончательными “границами”. Из этих новых отношений рождаются новые дисциплины: физическая химия, биофизика, биохимия и т. д. Эти новые дисциплины часто являются косвенным результатом развития новых ветвей внутри классических дисциплин» [Althusser, 1990, p. 89]. Не менее яркий пример можно проследить в историческом знании второй половины XX в., где, пройдя череду кризисов и поворотов, сформировалась «новая историческая наука» с ее многочисленными кросс-дисциплинарными связями и широким спектром актуальных научных направлений [Репина, 2009]. Касаемо работы М. Фуко «Порядок вещей», в ней вопросы междисциплинарного синтеза рассматриваются через более глобальное понятие культуры. Автор замечает: «фундаментальные коды культуры – управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обмена, ее методами, ее ценностями, иерархией ее практик – устанавливают для каждого человека с самого начала эмпирические границы... научные теории или интерпретации философов объясняют, почему обычно существует порядок» [Foucault, 2002, p. 22]. В свою очередь открывающаяся область между уже описанными пространствами культуры, и науки как ее элемента, становится своеобразным не кодированным пространством эпистемологической неопределенности, именно в таких областях, по мнению автора, необходимо искать новые «фундаментальные основы» [Foucault, 2002, p. 23] науки. Пространства вне строгих дисциплинарных границ открывают возможность плодотворного обмена и сотрудничества. Неизведанные территории по-новому размежеванных междисциплинарных полей дают более широкие возможности применения научного метода, предлагают мосты коммуникации в областях, прежде слабо охваченных междисциплинарным синтезом. Исследователи Д. Римонди и М. Веронезе подчеркивают, что заложенные структуралистами тезисы «представляют собой существенную теоретическую основу для любой рефлексии, идущей в направлении сотрудничества дисциплин или преодоления их исторического разделения. В то же время развитие подобных идей ведет к углубленному анализу вопроса о включении гуманитарных наук в макроакадемические области, где примененная трансдисциплинарность в

конкретной области приведет к усилению результатов всех гуманитарных исследований» [Rimondi, Veronese, 2018, p. 261].

На рубеже XX–XXI вв., когда история совершила свой очередной виток – «культурологический» / «культурный» поворот – и в рамках социокультурного подхода была поставлена задача раскрыть культурный механизм социального взаимодействия, произошел перенос значения с «заповедных территорий» академических дисциплин на постановку и решение проблем, формулируемых, по существу, как трансдисциплинарные: это проблемы, которые в принципе не могут быть поставлены в конституированных дисциплинарных границах [Репина, 2009, с. 12]. Все большее внедрение термина «культура» как *наддисциплинарной* категории гуманитарного знания способствовало усилению культурного поворота в исторической науке; вызвало не только интерес к выделению и изучению культурных и социокультурных практик прошлого, но и в методологическом смысле способствовало расширению эпистемологических границ исследования, постепенно выводя границы исследований в плоскость трансдисциплинарности.

Само понятие культура выступает всеобъемлющим и многомерным, смещает фокус исследователя на изучение формирования поведенческих детерминант, влияющих на мировоззрение и поведенческий выбор исторического человека. В таком контексте рассмотрение исторических процессов тесно переплетается с задачей изучения своеобразия эволюции культурного опыта отдельного хронотопа каждой социальной группы или общности. А.В. Еремин подчеркивает: «важной задачей становится выявление культурных детерминант изучаемых аспектов. Историк, работая в культурологической парадигме, определяет культурные детерминанты через категоризацию тех императивов, которые он выявляет в процессе исследования. Данная категоризация возможна с помощью тезауруса, заимствованного из других гуманитарных наук. Более того, исследователь категоризирует выявленные императивы культурного опыта и их влияние на изучаемое явление с помощью новых концептов и понятий, которые являются результатом научного синтеза. Такие понятия, как парадигма, дискурс, хронотоп, фрейм, глобалитет, глокалитет, идентичность, псевдоморфоз, граница, параморфоз, бинарная оппозиция и т. д., помогают концептуализировать выявленные императивы, составляющие универсум культуры» [Еремин, 2017, с. 253]. При этом культурный универсум создает основу для трансдисциплинарной структуры, соединяющую изучение различных сфер человеческой деятельности в рамках культурных концептов и императивов, которые оказывают принципиальное влияние на формирование социокультурных практик в изучаемом хронотопе. Культура в своем категориальном измерении становится мостом, сокращающим путь через дисциплинарные рамки в лиминальное пространство трансдисциплинарности. Блестящим примером¹ реализации новых методологических интердисциплинарных условий становится *новая культурная*

¹ К новой культурной истории можно отнести немецких историков-последователей Я. Буркхарда и Й. Хейзинги, французскую школу «histoire culturelle», британские исследование «cultural studies», а также группу американских исследователей «нового историзма» и «обычных/простых историков».

история, которая, с одной стороны, институционально менее ярко выражала свое предметное поле, с другой стороны соединила в себе «подходы из социальной и культурной антропологии, исторической психологии, психоанализа, социолингвистики, семиотики, информатики; исследователи, работающие в этой области, назвали общий подход к изучению прошлого “культурным” и междисциплинарным. Новая культурная история открыто выказала свою приверженность методологической и концептуальной эклектике. В нее активно вводились новые понятия и переиначивались понятия, которые она заимствовала из других дисциплин» [Маловичко, 2014, с. 240–241].

Вслед за работами А.О. Лавджоя и основателями школы «Анналов», М. Блоком и Л. Февром, в 1980-х гг. наблюдается рост интереса историков к культурным исследованиям, которые в свою очередь актуализировали методологические вопросы возможностей междисциплинарного диалога в рамках неизбежного интеграционного конфликта интерпретаций при отсутствии перекодированного языка дисциплинарной культуры. Уже в 1984 г., П. Бурдьё, выступая за пересмотр схоластического деления наук, указывал на трудность коммуникации: «встреча двух дисциплин – это встреча двух личных историй, следовательно, двух разных культур; каждая расшифровывает то, что говорит другая, исходя из собственного кода, собственной культуры» [Бурдьё, 1994, с. 156]. Потребность в новом языке трансформирующейся науки становится актуальной задачей научного сообщества, столкнувшегося с новой ступенью герменевтического цикла при обновлении научной парадигмы. Сохраняя рамки метода внутри интердисциплинарных исследований, происходит понимание и восприятие «инодисциплинарного» языка науки, ее метода. Однако, такое понимание, скорее означает перевод на свой язык «чужих» терминов, что безусловно обогащает частное исследование, но не решает саму культурно-языковую проблему, которая требует создания обновленного единого категориального метанаучного языка, что видится возможным только в поле продолжения трансдисциплинарного диалога.

Однако, вызывает споры и само понимание термина «трансдисциплинарность». В. Николеску обращает внимание, что уже на этапе популяризации термина в середине 1970-х гг., латинская приставка «trans-» осталась только в понимании «поперек» / «между», что сформировало понимание трансдисциплинарности как свойство современной науки вообще, стремящейся к единству знаний. Тогда как принципиальное понимание термина здесь кроется в понимании «trans» как «через», то есть выходе за пределы дисциплинарных границ и понимание «трансдисциплинарности» как стремление к исследованию каждого явления, предмета и процесса в его внутреннем единстве и единстве с внешним миром, именно поэтому должен использоваться специальный термин “трансдисциплинарный подход”, подчеркнем и корректность использования “трансдисциплинарной науки”, которая принципиально отлична от простой суммы теорий, которые можно назвать трансдисциплинарными» [Nicolescu, 2006, p. 142]. Уже в самом названии подхода скрыта его концептуальная суть – трансдисциплинарность разрушает границы

междисциплинарных исследований, создает свободное пространство для конструирования исследовательской модели, границы которого выстраиваются исходя из предмета исследования с учетом его имманентной специфики, в отрыве от рамок традиционной дисциплинарности, выступающих в трансмоделях генетической основы. В современной историографии подчеркивается, «приставка “trans-” – это способ подчеркнуть преодоление устоявшихся границ между областями знаний и завоевание нового пространства рефлексии» [Rimondi, Veronese, 2018, p. 262]. Однако, нельзя утверждать, что трансдисциплинарность отменяет прежнюю демаркацию в научном знании. Трансдисциплинарность выстраивается с учетом индивидуальности наук, сохраняет принцип открытости научного знания, подчеркивает их культурное своеобразие в единстве универсума, выступая не революционной новацией, а продуктом нового эволюционного витка, более высоким, транспостроением, применяемым в индивидуальном исследовании.

Трансдисциплинарность в современной эпистемологии, разрывая с классической познавательной теорией, разрушает в его классической интерпретации принцип межсистемного дисциплинарного подхода, подразумевающий приобщение к исследованию данных и методов смежных наук для разрешения исследовательской задачи в рамках одной, строго очерченной области знания. Что может быть образно представлено как дерево, разветвляющееся в сторону отдельных областей. Вместе с тем, современную идею трансдисциплинарности можно рассматривать и как переосмысленный концепт ризомы (*rhizome*) в науке, о которой в рамках постмодернистской парадигмы писали постструктуралисты Ж. Делез и Ф. Гваттари. Ризома выступала, в метафоричном описании авторов, подобием «подземного отростка, абсолютно отличного от корней и корешков... ризома, сохраняя целостность, остается полиморфной и гетерогенной» [Deleuze, Guattari, 1976, p. 11]. В этой метафоре скрывается не только призыв к нелинейности и ацентричности конструируемой научной модели, но и заложено предположение о необходимости открытости исследовательских систем, формированию на их базе ацентрированных эпистемологических трансструктур. Ризоматическая логика создает сложный и разветвленный методологический инструментарий подобный лабиринту, который позволяет включить множество полидисциплинарных элементов в методологическое поле исследования. Данный принцип построения был универсальным в вопросе описания научного знания, но за счет постоянной изменчивости, гибкости и отсутствия внутренней иерархии не позволял в полной мере внедрить ризоматический подход в практику частного исторического исследования. В этом ракурсе трансдисциплинарность сохраняет от ризомы концепт транспостроения, но ограничивает ее рамками и задачами отдельного исследования, предмет которого может сам по себе быть создан на стыке наук, что приобретает особую значимость в таких областях исторического знания как: интеллектуальная история, новая социальная история, гендерная история, история ментальностей, история трансферов и т.д.

Рубеж 1980–1990-х гг. характеризуется резким количественным ростом междисциплинарных исследований. Одновременно центрами притяжения сторонников

синтезирующей истории стали области науки, обладающие интегративным потенциалом. Прежде всего социальная и демографическая истории, сумевшие охватить предметные поля ряда возникших ранее исторических субдисциплин, что усилило разрыв между классической и неклассической исторической наукой. Современная неклассическая историография демонстрирует характерную особенность полидисциплинарных исследований, где трансдисциплинарность присутствует, но выражается в латентной форме. Отсутствие методологической рефлексии здесь обуславливается интуитивным конструированием исследовательского инструментария, который, в свою очередь, сложно реализуем в исследовательской практике при условии отсутствия границ ризомы. Работая в пространстве междисциплинарности, историк вынужден оставаться в строгих методологических рамках традиционной истории, что не позволяет во всей полноте и специфике применять исследовательский инструментарий смежных областей. Происходит «абстрагирование от точности и специфики, присущих соответствующим приемам при их традиционном использовании» [Аршинов, Буданов, 2017, с. 50–51]. В таком ракурсе принцип трансдисциплинарности применимо к историческим исследованиям, по мнению К.В. Хвостовой будет выступать в качестве интеграционного подхода, «связанного с использованием аналогий, внеисточникового знания, построением новых концептов, ведущим к расширению целостности понимания предмета, что, однако, не означает игнорирования роли фактов и событий. Напротив, именно скрупулезный фактологический и событийный анализы обеспечивают возможность расширения пределов знания и создание трансдисциплинарной парадигмы» [Хвостова, 2018, с. 15]. Высокая оценка трансдисциплинарности в истории и допущение ее парадигматической роли, не разрешила вопроса о границах исследования, по-прежнему остающихся слабо очерченными в рамках ризоматической ситуации постмодерна. Однако, для постмодернистских исследований трансдисциплинарный подход может ввести свою иерархию внутри ризом («узелки ризом») и отсеять ряд элементов — исследовательских областей, не дающих ответа на заданный исследователем запрос к источниковой базе исследования, что расширяет эпистемологические возможности науки и обогащает исследовательский инструментарий при анализе отдельно рассматриваемого процесса, факта, структуры. В этом смысле трансдисциплинарность отходит от спора постмодернистов об определении границ предмета исследования и концентрируется на границах применяемой совокупности методов, что позволяет рассматривать такие исследовательские модели, как форму реализации *трансдисциплинарной метанауки* (Э. Ласло), способной объединить отдельные дисциплины или быть названной современной *метаметодологией*, которая «берет в качестве объекта разные методологии различных дисциплин, чтобы впоследствии преобразовать и превзойти их» [Transdisciplinarity..., 1998, p. 8].

Отсутствие в настоящий момент концептуально осмысленной парадигмы трансдисциплинарной науки для конструирования прошлого в отдельных исторических исследованиях может поместить поиск историка в промежуточную область, где при изучении отдельно взятого факта, события или процесса может быть раскрыта природа отношений между несколькими областями знания, что в свою очередь

подразумевает реализацию *транспарадигмального подхода*, который допускает возможность решения отдельной исследовательской проблемы множеством различных способов и методологических подходов, а так же кросс-дисциплинарную критику существующих в историографии устоявшихся тезисов. Комплексный подход к решению исследовательской задачи здесь требует очерчивания круга привлекаемых дисциплин и их специальных научных методов, делает частью исследовательского процесса задачу анализа контекстуального дискурса каждой привлекаемой научной области в отношении к предмету исследования. При этом трандисциплинарность не означает исчерпывающего знания всех дисциплин и направлена на понимание того, *как* создаются знания и историография предмета изучения, что в свою очередь отвечает на когнитивный сдвиг в сторону гуманизации исторической науки, выраженный в создании нового типа исследовательской лаборатории, которая, по мнению В. Лаурсена, будет «основана на коллективном мышлении, групповых исследованиях и междисциплинарных рассуждениях» [Laurson, 2018, p. 78].

Благодаря реализации принципа трандисциплинарности появляется возможность расширения эпистемологических границ в исследованиях спектра новой социальной истории. Методологи Д. Миллер, И. Пригожин и К.В. Хвостова отмечают тенденцию сближения историописания и дисциплин естественнонаучного цикла [Хвостова, 2021, с. 25]. За счет усиления конвергентных связей здесь формируется еще одно измерение пространства научного поиска, которое может выходить за рамки социального и гуманитарного знания, привлекая данные, в том числе экспериментальные, точных и естественнонаучных дисциплин при условии, что это позволяют условия, определенные трандисциплинарной моделью, очерчиваемая границами предметной области отдельного исследования. Вместе с тем, постнеклассическая парадигма внесла новое измерение объекта исторического исследования, когда круг анализируемых проблем был дополнен, по мнению О.В. Воробьевой, изучением «культурно-исторического уровня субъекта, его психологических, профессиональных и социальных установок, которые наука не рассматривала ранее как несовместимые с критериями объективности и научности» [Трандисциплинарность..., 2015, с. 146]. Следуя за логикой построения трандисциплинарности в рамках теории «пост-нормальной науки» (post-normal science), разрабатываемой группой ученых (Р. Вестфал, Е. Хислип, Дж. Мердок, Ф. Фахи) во главе с С. Фунтовичем и Дж. Р. Раветцем, трандисциплинарность может стать основой преодоления «отчаяния, вызванного феноменом постмодерна при условии признания методологического разнообразия» [Funtowicz, Ravetz, 2019, p. 44].

Можно сделать вывод, одной из характеристик современной исторической науки является стремление к трандисциплинарности, которая, как стратегия преодоления кризиса постмодерна, способна вызвать новый, «конвергентный поворот», в историческом знании, объединив в себе историческое, гуманитарное, и естественнонаучное знание в едином пространстве трандисциплинарности [Воробьева, 2016, с. 168] для решения исследовательской задачи отдельного исследования.

Новая демаркация междисциплинарных исследований сегодня демонстрирует открытость исторической науки как системы, формирует новый дискурс науки, отличный от категорий мононаучного классического знания. Переориентация принципа демаркационного разделения с инструментально-методологической компонента на специфику объекта исследования, который, в свою очередь, вызывает необходимость подбора круга привлекаемых методов различных дисциплин исходя из задачи отдельного исследования, позволяет расширить возможности исследовательской модели, внедренной в частное исследование. Накопление и анализ опыта исследований, реализующих трансдисциплинарные модели, будет способствовать созданию эмпирических основ метанауки, обладающих антикризисным потенциалом. По оптимистичной оценке, экспертов, высокие темпы адаптации и значительный интерес к историческим трансдисциплинарным исследованиям, как проявлению метадисциплинарной науки, позволят предложить систему методологически осмысленной структуры междисциплинарных исследований уже к 2026 г. [Mokiy, Lukyanova, 2022, с. 135]. Однако, оценивая ситуацию сегодняшнего дня, еще рано говорить о том, что метанаука в ее трансдисциплинарном модусе близка к своему конечному оформлению. По емкому замечанию В.И. Моисеева «еще рано говорить об окончательном возникновении транснауки как самостоятельного социального институт, на нее следует смотреть как на будущую стадию исторического развития науки, которая, возможно, придет на смену постнеклассической науке» [Трансдисциплинарность..., 2015, с. 166–167]. Можно заключить, трансдисциплинарные исследования, несомненно, становятся одним из наиболее оптимальных маршрутов выхода из кризиса в настоящее время, что делает указанные исследования наиболее перспективным направлением научно-исторического поиска.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аршинов В.И., Буданов В.Г. Системы и сети в контексте парадигмы сложности // *Вопросы философии*. 2017. № 1. С. 50–61.

Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 287 с.

Воробьева О.В. О современном состоянии и перспективах развития гуманитарного знания: взгляд историка // *Преподаватель XXI век*. 2016. № 4. С. 162–173.

Еремин А.В. Универсум и контекст в междисциплинарном культурно-историческом исследовании // *Ярославский педагогический вестник*. 2017. № 5. С. 252–256.

Маловичко С.И. Культурная история // *теория и методология исторической науки. Терминологический словарь*. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 240–242.

Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ЛКИ, 2009. 320 с.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии // *Харківський історіографічний збірник*. 2010. № 10. С. 10–40.

Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. Под ред. В. Бажанова, Р. Шольца. М.: Навигатор, 2015. 564 с.

Хвостова К.В. Трансдисциплинарность в историческом знании // *Диалог со временем*. 2018. № 62. С. 5–15.

Хвостова К.В. Малая событийность и трансдисциплинарность // *Диалог со временем*. 2021. № 77. С. 19–27.

Althusser L. *Philosophy and the spontaneous philosophy of the scientists & other essays*. L. – N.-Y.: Verso, 1990. 310 p.

Deleuze G., Guattari F. *Rhizome*. P.: Minuit, 1976. 74 p.

Foucault M. *The Order of Things. An Archaeology of Human Sciences*. L. – N.-Y.: Routledge, 2002. 339 p.

Funtowicz S., Ravetz J.P. Science for the post-normal age // *The Postnormal Times Reader*. 2019. № 1. Pp. 23–46.

Laursen B. What is collaborative, interdisciplinary reasoning? The heart of interdisciplinary team science // *The International Journal of an Emerging Transdiscipline*. 2018. № 21. Pp. 75–106.

Mokiy V., Lukyanova T. Development of Interdisciplinarity and transdisciplinarity in modern Russian science and higher education // *Institutionalizing Interdisciplinarity and Transdisciplinarity*. Milton: Routledge, 2022. Pp. 124–138.

Nicolescu B. Transdisciplinarity – Past, present and future // *Reshaping Sciences, Policies and Practices for Endogenous Sustainable Development*. Amsterdam: COMPAS Editions, 2006. Pp. 142–166.

Piaget J. The Epistemology of Interdisciplinary Relationships // *Interdisciplinary Problems of Teaching and Research in Universities*. P.: OECD, 1972. Pp. 127–141.

Piaget J. The epistemology of transdisciplinary // *Internationales Jahrbuch für Interdisziplinäre Forschung*. 1974. № 1. Pp. 154–172.

Transdisciplinarity: Stimulating synergies, integrating knowledge. Paris: UNESCO, 1998. 80 p.

Rimondi G., Veronese M. Defining the dialogue between sciences: A view on transdisciplinary perspective in the human sciences // *Informing Science*. 2018. № 21. Pp. 255–268.

REFERENCES

Arshinov V.I., Budanov V.G. Sistemy i seti v kontekste paradigmy slozhnosti [Systems and networks in the context of the complexity paradigm], in *Voprosy filosofii*. 2017. No. 1. Pp. 50–61 (in Russian).

Burd'e P. *Nachala* [Choses dites]. Moscow: Socio-Logos Publ., 287 p (in Russian).

Vorob'eva O.V. O sovremennom sostoyanii i perspektivakh razvitiya gumanitarnogo znaniya: vzglyad istorika [On the current state and prospects for the development of

humanitarian knowledge: the view of a historian], in *Prepodavatel' XXI vek*. 2016. No. 4. Pp. 162–173 (in Russian).

Eremin A.V. Universum i kontekst v mezhdistsiplinarnom kul'turno-istoricheskom issledovanii [Universe and Context in Interdisciplinary Cultural-Historical Research], in *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 2017. No. 5. Pp. 252–256 (in Russian).

Malovichko S.I. Kul'turnaya istoriya [Cultural history], in *Teoriya i Metodologiya Istoricheskoi NAUKI. Terminologicheskii slovar'*. Otv. red. A.O. Chubar'yan. Moscow: Akvilon Publ., 2014. Pp. 240–242 (in Russian).

Repina L.P. "Novaya istoricheskaya nauka" i sotsial'naya istoriya ["New history" and social history]. Moscow: LKI Publ., 2009. 320 p.

Repina L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [History at the border of the XX–XXI cc.: social theories and historiographical practices]. Moscow: Krug Publ., 2011. 560 p.

Repina L.P. Teoreticheskie novatsii v sovremennoi istoriografii [Theoretical innovations in modern historiography], in *Kharkivs'kii istoriografichnii zbirnik*. 2010. No. 10. Pp. 10–40 (in Russian).

Transdistsiplinarnost v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy [Transdisciplinarity in Philosophy and Science: approaches, problems, prospects]. Pod red. V. Bazhanova, R. Shol'tsa. Moscow: Navigator Publ., 2015. 564 p (in Russian).

Khvostova K.V. Transdistsiplinarnost' v istoricheskom znanii [Transdisciplinarity in historical knowledge], in *Dialog so vremenem*. 2018. No. 62. Pp. 5–15 (in Russian).

Khvostova K.V. Malaya sobytiinost' i transdistsiplinarnost' [low eventfulness and transdisciplinarity], in *Dialog so vremenem*. 2021. No. 77. Pp. 19–27 (in Russian).

Althusser L. *Philosophy and the spontaneous philosophy of the scientists & other essays*. London – New-York: Verso, 1990. 310 p.

Deleuze G., Guattari F. *Rhizome*. Paris: Minuit, 1976. 74 p.

Foucault M. *The Order of Things. An Archaeology of Human Sciences*. London – New-York: Routledge, 2002. 339 p.

Funtowicz S., Ravetz J.P. Science for the post-normal age, in *The Postnormal Times Reader*. 2019. No. 1. Pp. 23–46.

Laursen B. What is collaborative, interdisciplinary reasoning? The heart of interdisciplinary team science, in *The International Journal of an Emerging Transdiscipline*. 2018. No. 21. Pp. 75–106.

Mokiy V., Lukyanova T. Development of Interdisciplinarity and transdisciplinarity in modern Russian science and higher education, in *Institutionalizing Interdisciplinarity and Transdisciplinarity*. Milton: Routledge, 2022. Pp. 124–138.

Nicolescu B. Transdisciplinarity – Past, present and future, in *Reshaping Sciences, Policies and Practices for Endogenous Sustainable Development*. Amsterdam: COMPAS Editions, 2006. Pp. 142–166.

Piaget J. The Epistemology of Interdisciplinary Relationships, in *Interdisciplinary Problems of Teaching and Research in Universities*. Paris: OECD, 1972. Pp. 127–141.

Piaget J. The epistemology of transdisciplinary, in *Internationales Jahrbuch für Interdisziplinäre Forschung*. 1974. No. 1. Pp. 154–172.

Transdisciplinarity: Stimulating synergies, integrating knowledge. Paris: UNESCO, 1998. 80 p.

Rimondi G., Veronese M. Defining the dialogue between sciences: A view on transdisciplinary perspective in the human sciences, in *Informing Science*. 2018. No. 21. Pp. 255–268.

Статья принята к публикации 13.06.2022